

Бай Ичэнь и Ань Но пребывали в состоянии «холодной войны» уже неделю. Ань Но тоскливо посмотрел на тарелку с домашней лапшой и, тяжело вздохнув, принялся накручивать её на палочки. Лапша была идеальной: упругая, скользкая, под густой ароматной подливой — от одного запаха у любого потекли бы слюнки. Собственно, четыре дня назад он именно так её и поглощал — за обе щеки. Но сегодня...

Он долго и пристально изучал содержимое тарелки, пока не пришёл к горькому выводу: сегодняшняя порция ничем не отличалась от вчерашней, позавчерашней или той, что была три дня назад. Ни одной лишней добавки, ни лишней веточки кинзы! Горько усмехнувшись, Ань Но проглотил кусок. Он и представить не мог, что Ичэнь выберет такой изощрённый способ «акта возмездия».

— Бай Ичэнь, — Ань Но отставил тарелку, осилив лишь половину. — Долго ты ещё собираешься дуться?

— О чём ты? — Ичэнь соорудил мордочку невинного зайки.

— О тебе! Сколько это будет продолжаться?

— Да я и не начинал, — его невозмутимости позавидовал бы любой лауреат «Оскара».

— Ты злишься на меня. И поэтому кормишь лапшой четвёртый день подряд.

— Но мне нравится лапша! — серьёзно ответил Бай-зайка. — К тому же я спрашивал, что приготовить, а ты сам сказал: «Всё равно».

Ань Но едва не поперхнулся воздухом. Конечно, он сказал «всё равно»! У Сяо Бая лицо было кислым, как лимон, а в голосе так и летели искры — разве тут посмеешь «заказывать»? Приходилось есть что дают.

— Бай Ичэнь, — Ань Но отодвинул миску. — Мы же договаривались: любые проблемы обсуждаем сразу. Между нами не должно быть недомолвок. Помнишь? Ты обещал мне.

— Да, общение — это главное, — Ичэнь с глухим стуком поставил свою чашку на стол. Капли подливы брызнули на чистую поверхность, расплываясь маслянистыми пятнами. Ань Но невольно подумал: «Только бы тарелку не кокнул». — Тогда, старший брат Ань, будь добр, ответь: почему я обязан жить в общежитии?

— А Ичэнь, я повторяю ещё раз, — Ань Но устало потер виски. — Я не заставляю тебя там «жить». Я просто прошу не возвращаться домой каждый божий день.

— Почему я не могу возвращаться в свой собственный дом?

Ань Но замолчал, не зная, как подобрать слова.

Они перебрались в город Н полгода назад, в начале марта. В приказе о назначении Ань Но значился апрель, так что у них было две недели, чтобы обустроиться. Квартирку нашли небольшую, очень похожую на ту, что была в Бэйане: две комнаты, гостиная и огромные окна в пол, через которые солнце заливало комнаты светом.

Вообще-то управление выделило Ань Но служебное жильё — уютную «однушку» в полицейском городке, всего в двадцати минутах ходьбы от работы. Но оттуда до университета Н пришлось бы добираться больше часа. Ань Но, жалея Сяо Бая, хотел снять что-нибудь поближе к учёбе, но долго не решался заговорить об этом. Боялся, что Ичэнь поймёт его превратно: решит, будто Ань Но прячется от людей или стыдится их отношений.

Сам Ичэнь тоже был не в восторге от полицейского городка — там слишком легко было «засветиться», а он не хотел, чтобы на новом месте Ань Но столкнулся с косыми взглядами или дискриминацией. И он тоже мялся, не зная, как предложить переезд.

В итоге Ань Но не выдержал первым. Сделав огромный крюк в рассуждениях, он всё же изложил свои мысли и встретил такой горячий отклик, что уже после обеда они сидели в агентстве недвижимости.

Новая квартира была в полчасе ходьбы от университета. «Буду гулять, полезно для здоровья», — обрадовался Ичэнь. До управления было подальше, остановок семь-восемь, но транспорт ходил исправно, да и служебную машину Ань Но иногда брал домой. В день осмотра стояла ясная погода. Стоило Ичэню переступить порог и увидеть залитую солнцем гостиную, как он вцепился в руку Ань Но и жалобно спросил: «Давай снимем эту, а? Пожалуйста».

Ань Но хотел было поторговаться с риелтором, но, глядя на это сияющее лицо, тут же сдался и подписал контракт. Ичэнь, спрятав бумаги в сумку, принялся носиться по комнатам, восторженно планируя: «Тут поставим кофейный столик, там — мягкое кресло, здесь будет книжный шкаф, а в углу — тахта...» Ань Но наблюдал за его суетой, и на душе становилось непривычно тепло.

Так и началась их новая жизнь. Они обошли все мебельные рынки города, выбирая каждую мелочь. Одну спальню Ичэнь превратил в кабинет, установил огромный чертёжный стол и гордо заявил:

— Вот мой будущий капитал! — А затем указал на компьютер: — Пока я зарабатываю деньги, ты можешь резаться в «Дурака», чтобы не скучать.

Ань Но, глядя на это нахальное создание, ткнул его пальцем в лоб, повалил на широкую столешницу и, нависнув сверху, прошептал:

— А можно я поиграю во что-нибудь другое?

— Во... во что угодно! — выдохнул Ичэнь, тяжело дыша.

Когда Ань Но расстёгивал его рубашку, он внезапно вспомнил Чжэн Жуя. Белая ткань распахнулась, словно крылья, и Ань Но подумал: «Ичэнь — мой ангел». Он поклялся никогда не подрезать ему крылья. Он будет беречь их, а если однажды тот захочет улететь, Ань Но сам станет ветром под его крыльями.

Жизнь вместе была похожа на сказку. До начала семестра оставалось время, и Ань Но строго-настрого запретил Сяо Баю подрабатывать. Тот целыми днями осваивал новые рецепты, и к майским зачётам по физподготовке Ань Но с ужасом обнаружил, что завалил половину нормативов. Поняв, что так дело не пойдёт, он предложил Ичэню заняться самообразованием. Тот подумал и на следующий же день отправился в библиотеку.

Он набрал книг по архитектуре и записался на курсы немецкого. «В Германии лучшая архитектурная школа, хочу подать на стажировку или в магистратуру», — буднично сообщил он. Ань Но слушал его с тяжёлым сердцем, невольно вспоминая слова отца. В душе шевельнулась старая обида.

Ичэнь, обладая невероятной чуткостью, мгновенно уловил перемену в его настроении. После долгих расспросов Ань Но полушутя признался:

— А как же я, если ты уедешь?

— Ты? — Ичэнь опешил. — Ань-гэ, только не пойми неправильно! Я даже не думал, что это может на нас повлиять. Где бы я ни был, это неважно... Я всегда... всегда... буду твоим! Я обязательно вернусь. Пару лет учёбы — разве это срок для нас? Я могу и не ехать, закончу здесь магистратуру, если ты так против...

Он говорил это с такой искренностью, что Ань Но, не выдержав, заставил его замолчать поцелуем. Из всей этой речи он выцепил главное: «Я всегда буду твоим».

Так и жили. Если не было срочных дел или вызовов, Ань Но всегда возвращался к ужину. Ичэнь скачивал сотни рецептов, вынуждая Ань Но каждый обеденный перерыв проводить на беговой дорожке в спортзале управления.

Иногда, под настроение, Ань Но приводил коллег домой. Не прошло и месяца, как по всему управлению пошёл слух: у нового капитана Аня есть «младший брат», который готовит божественно. Желающих «заглянуть на огонёк» становилось всё больше. Ичэнь всегда

накрывал богатый стол, слушал, как Ань Но травит байки с сослуживцами, а потом тихонько ускользал в кабинет к книгам.

Ань Но всегда краем глаза следил за ним. Стоило Ичэню скрыться, он тут же затаскивал его обратно, усаживал за стол и вовлекал в общую беседу. Большинство оперативников были молодыми холостяками — те, кто постарше, спешили домой к жёнам и детям. Когда ребята узнали, что Ичэнь поступил в университет Н на интегрированную программу бакалавриата и магистратуры, они посмотрели на своего капитана с нескрываемым презрением. Мол, «Капитан, ну и позорище, до брата тебе как до Луны».

Ань Но лишь гордо откупоривал пиво:

— И что? Главное, что мелкий у меня головастый. Если бы я был таким умным, у вас бы вообще шансов в этой жизни не осталось.

Ребята с криками «Ну держись, кэп!» принимались его спаивать. Ичэнь наблюдал за этим шумным весельем, и в груди мешались восторг и гордость: «Смотрите, это мой мужчина. Его все уважают, он лучший». Но когда восторг стихал, приходила тревога. «Я ведь такой скучный, ничего не умею... Неужели Ань Но со мной тоскливо?»

В такие моменты Ичэнь отчаянно хотел влиться в их компанию, но не находил темы для разговора. Раньше-то он за словом в карман не лез, а теперь словно язык проглотил. Ань Но видел эту отчуждённость и хмурился. Он понимал: ситуацию нужно менять.

Второе июля — девятнадцатилетие Бай Ичэня. Их первый совместный день рождения. Как раз закрыли очередное дело, и Ань Но со спокойной совестью взял отгул. Проснувшись утром, Ичэнь обнаружил, что вторая половина кровати пуста. Он потянулся, хотел сесть, но тут же поморщился от резкой боли в пояснице.

«Чёрт бы тебя побрал, Ань Но! Совсем с катушек съехал!»

Накануне Ань Но был ненасытен, и Ичэнь заснул совершенно измотанным. Он подумал, что если это и был подарок, то сделка вышла сомнительной.

Но тут в комнату вошёл Ань Но с подносом: стакан тёплого молока и миска дымящихся вонтонов. У Ичэня тут же загорелись глаза.

Ань Но честно не знал, как праздновать. С девчонками проще — кино, магазины, ужин. Но что делать с парнем? Поэтому он решил начать с главного.

Доев последний вонтон, Ичэнь блаженно откинулся на подушки. Ань Но нагнулся и достал из-

под кровати плоскую коробку.

— Держи. С днём рождения.

Ичэнь мельком глянул на логотип и замер. Он лихорадочно содрал упаковку. Внутри лежал тончайший серебристый ноутбук.

— Ань... Ань-гэ... Это же «Макбук»? — пролепетал он.

— Ага. Нравится?

— Обалдеть! — Ичэнь сглотнул, не в силах отвести взгляд от металла. — Очень нравится! Но... Ань-гэ, он же бешеных денег стоит. Мог бы купить что-нибудь попроще.

Ань Но присел рядом и поцеловал его в лоб.

— Ты будущий архитектор. Тебе нужно работать с графикой, делать рендеры. «Яблоко» для этого — идеальный инструмент.

— Но всё равно... — Ичэнь нежно поглаживал корпус. — Откуда у тебя такие деньги?

Карточка Ань Но давно была у Сяо Бая. При себе капитан оставлял сущие копейки — на перекус да на сигареты. На ноутбук за десять с лишним тысяч этого явно не хватило бы.

— У тебя есть заначка! — торжествующе воскликнул Ичэнь.

— Нет у меня ничего! — притворно обиделся Ань Но.

— Не ври! Я выдаю тебе по две тысячи в месяц. Где взял остальное?

— О, так ты признаёшь, что выдаёшь мне мало?

— Не уходи от темы!

— Премия, — сдался Ань Но. — За прошлое дело подкинули, ну и сам немного откладывал. Хватило.

Ичэнь вспомнил то дело — серийные убийства. Маньяк был на редкость хитрым и жестоким. Ань Но тогда неделями не вылезал из управления, приходя домой серым от усталости и осунувшимся. Ичэнь отставил подарок и прижался к его губам.

— Спасибо, Ань-гэ. Он чудесный.

Ань Но почувствовал, как по его губам словно скользнули крылья бабочки — легко, щекотно, заставляя сердце замереть. Он углубил поцелуй... К полудню, обнимая свернувшегося клубочком Ичэня, Ань Но подумал: «В конце концов, в постели куда уютнее, чем в кинотеатре».

Вечером Ань Но вдруг вспомнил кое-что. Он притянул к себе засыпающего Ичэня:

— Послушай, а почему тебе за весь день никто не позвонил? Ни одной эсэмэски.

— М-м? — Ичэнь едва разлепил веки.

— Я спрашиваю: почему тебя никто не поздравил, кроме меня?

— Ты же поздравил.

— А остальные?

— Остальные не важны.

Глядя на мгновенно провалившегося в сон парня, Ань Но почувствовал и нежность, и тревогу. Ичэнь три месяца ходил в языковую школу, пять дней в неделю по четыре часа. Неужели он не завёл там ни одного друга?

В августе начались военные сборы для первокурсников. Это была их первая разлука на целых две недели. Для Ичэня сборы превратились в бесконечную пытку. Каждый вечер он висел на телефоне. Ань Но удивлялся: «Разве вам разрешают звонить?» Ичэнь объяснял, что после отбоя — свободное время, это же не казарма. Он жаловался на жару и усталость, и так они болтали до самой ночи.

Ань Но становилось всё беспокойнее. Почему Ичэнь тратит всё время на звонки ему? Неужели ему не с кем перекинуться парой слов в лагере? Через две недели Сяо Бай вернулся — похудевший, почерневший от загара и совершенно вымотанный. Увидев его облезшее лицо, Ань Но забыл про все свои подозрения. Он обзванивал коллег-женщин, выпрашивая рецепты от ожогов, бегал в аптеку за масками и делал примочки из холодного молока.

— Деньги на ветер, Ань-гэ! Ну обгорел немного, я же мужик, — ворчал Ичэнь, лёжа с молочной маской на лице. Но он не сдержал улыбки.

— У тебя кожа ключьями лезет! Это ожог, а не загар! — Ань Но прижал его к дивану и плеснул ещё молока на марлю. Почувствовав запах парного молока, Ичэнь окончательно расплылся в улыбке.

Глядя на его подтянутый живот и узкую талию, Ань Но вдруг понял, что свалил дурака. К чёрту маски, надо было самому «приложиться» к этому телу.

Четвёртого сентября — регистрация в университете.

Ань Но настоял на том, чтобы пойти вместе. Ичэнь для вида посопровтивлялся: «Работа важнее», «Я сам справлюсь», но всю дорогу светился от счастья, обещая показать кампус.

Во время оформления документов выяснилось, что Ичэнь выбрал дневную форму обучения без проживания. Вроде бы логично — они ведь решили жить вместе. Но Ань Но внезапно передумал. Он потребовал, чтобы Ичэнь взял место в общежитии, и лично перечеркнул графу в анкете.

Ичэнь опешил. Общежитие стоило тысячу восемьсот в год, не считая коммуналки. Зачем платить, если дом под боком?

— Ты хоть представляешь мою работу? — убеждал его Ань Но. — Завалы, командировки, дежурства. Ты будешь сидеть дома в четырёх стенах один. В общежитии веселее.

— Не хочу!

— Ичэнь, мне так будет спокойнее. Ты должен там жить.

— С чего это ты решаешь? Может, сам пойдёшь учиться?

— Я о тебе забочусь! — Ань Но сорвался на крик.

— Да неужели? Просто хочешь сплавить меня с глаз долой, чтобы развлекаться?! — не остался в долгу Ичэнь.

Ань Но усмехнулся:

— Так ты из-за этого переживаешь?

— Ничего я не переживаю! Просто к слову пришлось, не обольщайся, — Ичэнь покраснел до

корней волос и упрямо вскинул подбородок.

— Точно не переживаешь? А ведь твой старший брат — мужчина видный, завидный жених. — Ань Но обожал его дразнить.

— Ой, напугал! Это тебе надо волноваться. Я моложе, богаче и перспективнее. Не боишься?

— Боюсь, — внезапно посерьёзnel Ань Но. — Очень боюсь. Поэтому, Ичэнь, не заставляй меня дёргаться. Живи в общежитии, хотя бы когда меня нет в городе. Ладно?

Против жёсткости Ичэнь бы стоял до конца, но когда в голосе Ань Но зазвучала неприкрытая мольба, его сердце дрогнуло. Он сам не понял, как согласился.

Как назло, сентябрь выдался сумасшедшим. Ань Но пропадал на работе по три-четыре дня в неделю. Каждый раз он звонил в общежитие с «проверкой связи», чем неимоверно бесил Ичэня. К середине месяца Сяо Бай не выдержал. После пар он пришёл домой и твёрдо заявил: «Я съезжаю из общаги».

Он планировал уговорить Ань Но лаской, ну или «соблазнить» в крайнем случае. Но обычно мягкий Ань-гэ на этот раз проявил неслыханное упрямство. Ичэнь был в ярости! Квартира, которую он с такой любовью обставлял, пустовала, деньги за общагу улетали в трубу, а он вынужден был засыпать без тёплых объятий.

«Ах так? Ну держись у меня!» — злобно подумал Ичэнь. И придумал свой «молчаливый» протест.

И вот теперь Ань Но вздыхал над тарелкой лапши.

— Ичэнь, ну почему ты так взъелся на это общежитие?

— Почему я не могу жить дома? — прошипел тот.

— Я же не запрещаю! — Ань Но сдался. — Просто пойми специфику моей работы. Когда меня нет, тебе лучше быть среди людей.

— Мне там неудобно! Я хочу быть дома!

— Чэнь... — Ань Но перешёл на запрещённый приём — нежный шёпот. — Чэнь, мы в этом городе новички. Я ещё не всех знаю. После того громкого дела я боюсь, что остались «хвосты».

Я места себе не нахожу, когда ты один в пустой квартире...

Он протянул руку через стол и накрыл ладонь Ичэня своей, мягко поглаживая:

— Мне страшно. Страшно, что с тобой что-то случится. Я люблю тебя... Прошу, не заставляй меня сходить с ума от тревоги. Будь в общежитии, когда меня нет. Пожалуйста.

Ань Но прижался губами к его ладони, обжигая горячим дыханием. Сопротивление Ичэня рухнуло окончательно.

Прошла неделя. Близился Праздник середины осени.

Ичэнь уже всё распланировал: отоспаться, сходить в кино на новый 3D-блокбастер, купить продуктов и устроить романтический ужин. А после... ну, ночь длинная. Всё должно было быть только для них двоих.

Но Ань Но спутал все карты. Он позвонил прямо в общежитие и... пригласил всю комнату к ним домой на обед!

В университете Н распределяли комнаты с умом: иногородних селили с иногородними. Так что все четверо соседей Ичэня были «приезжими» и порядком приуныли в пустом кампусе перед праздником. Услышав приглашение от «старшего брата Бая», ребята пришли в восторг.

Ичэню ничего не оставалось, кроме как накрыть праздничный стол. Гости сметали еду, не переставая нахваливать повара. Соседи посмотрели на тихого и симпатичного Ичэня другими глазами — с такими талантами он точно отобьёт всех девчонок на факультете!

Ань Но, вспомнив навыки бармена, разливал пиво и виртуозно развлекал компанию. Для восемнадцатилетних парней капитан уголовного розыска мгновенно превратился из «брата соседа» в настоящего героя. Он пил с ними, травил истории и между делом просил приглядеть за Ичэнем: мол, брат у меня наивный, домашний, добрый, если что не так скажет — не обижайтесь.

Эти пацаны впервые почувствовали, что взрослый, суровый полицейский доверяет им что-то важное. В их глазах вспыхнул азарт: они почувствовали себя настоящими мужчинами, способными нести ответственность. Каждый бил себя в грудь, обещая: «Сяо Бай под нашей защитой!»

Ичэнь молча наблюдал за этой сценой. Гнев окончательно утих, уступив место странному чувству тепла. Он понял: Ань Но делает это ради него.

Обед затянулся до девяти вечера. Ань Но вызвал такси, отправил ребят в университет, а сам приобнял Ичэня и пошёл бродить по двору, чтобы проветриться. Ночь была чудесной: огромная луна заливала всё серебром, в воздухе пахло корицей и поздними цветами.

— Ань-гэ, — Ичэнь прижался к его плечу. — Чего ты добиваешься?

— М-м? — Ань Но прикинулся дурачком. — А ты не знаешь? Хочу тебя... — он притянул его к себе и впился в шею, оставляя яркий след.

— Перестань... — Ичэнь задыхался, сердце бешено колотилось. — Ань-гэ, говори прямо. Я же могу не так понять... Я начну накручивать себя.

Он остановился и заглянул в глаза Ань Но, затуманенные алкоголем и нежностью.

— Я, кажется, начинаю догадываться, но хочу услышать от тебя. Зачем всё это?

Ань Но привлёк его к себе, увлекая в тень густого кустарника, и поцеловал — глубоко, забирая весь воздух.

— Чэнь, — прошептал он в самые губы. — Я хочу вернуть тебе твою жизнь. Ту, которой у тебя никогда не было. Я хочу, чтобы ты был обычным девятнадцатилетним парнем. Чтобы у тебя были друзья, братва, чтобы ты прогуливал пары, играл в баскетбол, ходил в караоке, ездил в походы. Чтобы ты жил учёбой, дизайном, дурацкими посиделками... Всем, кроме... ну, кроме свиданий с девчонками.

Ань Но взял его лицо в ладони, стирая набежавшие слёзы.

— Раньше ты не жил, ты выживал. Ты не умел общаться со сверстниками. Ты работал, подстраивался, всем улыбался, заискивал — со стороны казалось, что ты душа компании, но на самом деле у тебя не было друзей. Ни одной эсэмэски на день рождения... Весь отпуск на сборах ты провисел на телефоне со мной. Чэнь, где твои друзья?

— В твоей жизни не должен быть только я. Должны быть наставники, товарищи. Ты должен научиться быть с ними на равных. В общении ты свой среди своих. У тебя должен быть свой круг... Теперь тебе не нужно думать о деньгах, о счетах, даже обо мне не думай. Просто живи. Будь счастлив.

Ичэнь разрыдался. Годы напряжения, одиночества и борьбы за жизнь выходили вместе с этими слезами.

— Сяо Бай, — Ань Но снова поцеловал его. — С этого момента твоя задача — быть счастливым мелким засранцем. Заводи друзей сколько хочешь. Пока ты не бросаешь меня — делай что душа пожелает!

— А если в меня кто-нибудь влюбится? — всхлипнул Ичэнь, вытирая лицо.

— Тогда сразу скажи мне, — усмехнулся Ань Но. — Я сделаю так, что этот бедолага до конца дней побоится даже смотреть в сторону людей.

Ичэнь прыснул:

— Какой из тебя полицейский? Ты бандит!

— Ага. Но я бандит только для тебя... Ну как, нравится мой наезд? — Ань Но игриво скользнул ладонью под рубашку, оглаживая тёплую кожу на талии. — Что-то я раздухарился. Хочу похулиганить.

— Эй... тут же улица... не место для... хулиганства! — выдохнул Ичэнь, бессильно прижимаясь к нему.

Ань Но подхватил его под руку и почти бегом потащил домой.

В ту ночь Ичэнь и плакал, и смеялся. А под утро, когда небо начало светлеть, он задорно посмотрел на Ань Но:

— Ань-гэ, скоро у меня будет куча друзей. Смотри не ревнуй, если я стану уделять тебе меньше времени.

Ань Но лишь улыбнулся и крепче прижал его к себе:

— Плевать. Я всё равно буду баловать тебя всю жизнь.

<http://bllate.org/book/18167/1822850>